

Только что Небесное Дао даровало ему своё благословение.

Это озарение было тем, что Небесное Дао втайне подарило ему как возможность.

Цзи Чжайсин, будучи мечником, достиг стадии Выхода души, но ещё не определил свой путь.

Сейчас он закрыл глаза, погрузившись в озарение, его чёрные волосы слегка растрепались. Когда он открыл глаза, его взгляд стал особенно ясным, а его яркие черты лица словно затмили всё вокруг.

Меч Цзи Чжайсина, который он сейчас держал, был восстановлен из обломков и выглядел немного устаревшим. Но теперь, подпитываемый духовной энергией хозяина, он стал одновременно грозным и живым, а красная линия на клинке казалась насыщенной кровью.

Черноволосый мечник указал пальцем, и ветер послушно поднялся, шелестя листьями. Гора, казалось, была рассечена ужасающей волей меча, расколовшись на две части.

Путь, который он избрал, был Дао живых существ.

В секте зажгли фонари, их свет падал на лица, освещая радостные выражения.

Никто не мог быть счастливее, чем нынешние ученики Секты Юйшуй.

Их секта породила единственного в мире практикующего, достигшего стадии Выхода души!

Обладая такой абсолютной силой, Секта Юйшуй не боялась зависти, устроив грандиозный праздник. Подарки от различных сект и великих мастеров почти заполнили внутренние хранилища секты, а множество странствующих практикующих устремилось к Секте Юйшуй. Даже близлежащая даосская площадка Хуайсин была заполнена сотнями мастеров Золотого ядра, читающих лекции и празднующих, словно это был праздник всего мира культивации.

Энтузиазм внешних практикующих был настолько высок, что ученики Секты Юйшуй начали сомневаться: «Почему они так радуются? Ведь брат Цзи не из их секты».

Но в целом празднование прошло грандиозно и гладко.

Цзи Чжайсин также появился на празднике.

С его нынешним уровнем даже ученики Секты Юйшуй не ожидали увидеть брата Цзи.

Ведь давление, исходящее от практикующего стадии Зарождения Души, уже пугало многих, не

говоря уже о легендарной стадии Выхода души. Поэтому большинство великих мастеров оставались в глубине сект, занимаясь медитацией или исследуя различные тайные места.

Но, возможно, благодаря точному контролю над своим уровнем или из-за выбранного им пути, когда черноволосый практикующий появился, ученики Секты Юйшуй не почувствовали, что брат Цзи чем-то отличается от прежнего.

Он был лишь немного более спокойным, и когда он опускал взгляд и стоял в стороне, то словно сливался с тенью. Но как только на него обращали внимание, его белая кожа и яркие губы становились настолько яркими, что их невозможно было забыть, и взгляд не мог оторваться.

Хотя это было невероятно, но ученики Секты Юйшуй, привыкшие к внешности Цзи Чжайсина, с покрасневшими щеками думали не о том, что «брат Цзи невероятно силен и смог преодолеть скорбь», а скорее о том, что «сегодняшний брат Цзи ещё прекраснее», — мысль, которую они не осмелились бы высказать вслух, чтобы не быть наказанными.

Цзи Чжайсин, казалось, был в хорошем настроении, в его глазах была мягкость, а на губах играла лёгкая улыбка.

Был открыт столетний напиток Цинцю, его насыщенный аромат наполнил весь зал, а звук падающей в нефритовую чашу жидкости был чистым и звонким. Даже те, кто обычно не любил алкоголь, не могли не отметить его долгий аромат.

Глава секты Тань, не скрывая волнения, налил Цзи Чжайсину вина, его глаза слегка покраснели.

— Это я тебя задержал, до сих пор на стадии Золотого ядра... Хотел найти тебе более сильного учителя, но не могу представить, кто бы мог тебя учить.

Он говорил тихо, вероятно, даже в опьянении стараясь не обременять ученика.

— Я чувствую, что тяну тебя вниз. Чжайсин, если ты хочешь покинуть секту...

Прозрачные капли вина слегка пролились, некоторые скатились по шее Цзи Чжайсина, скользя по ключице. Он словно не заметил своей неловкости, выпрямился, его позвоночник был прямым, как бамбук, а чёрные глаза были чище, чем лучший напиток.

— Учитель, — голос юноши, пропитанный крепким вином, звучал с необычной хрипотцой. Он улыбнулся. — Вы всегда будете моим учителем.

Ближе к часу Инь.

Празднование ещё не закончилось, но Цзи Чжайсин уже покинул зал. Молодой господин Тань, тайком выйдя, повёл его посмотреть на подарки, полученные за день.

Хранилище секты было открыто, и внутри сверкали золотом различные предметы. От артефактов до духовных трав, рассеянная духовная энергия превратила внутреннюю часть хранилища из обычного места хранения в место для практики. Тань Лан слегка сжал губы, его лицо было холодным, без эмоций. Он отошёл в сторону, дав место, и передал секретный ключ Цзи Чжайсину.

— Пойди, посмотри.

Цзи Чжайсин кивнул и, войдя, был слегка удивлён количеством подарков.

Их было больше, чем он ожидал, и они были более ценными.

Тань Лан слегка кашлянул, чувствуя неловкость, и сказал:

— В самом переднем ящике тёмно-красного цвета — это мой подарок тебе.

Цзи Чжайсин слегка замер, и вся его мягкая улыбка, казалось, растворилась в глазах.

— Благодарю.

Черноволосый мечник, вероятно, хотел сразу открыть его, но Тань Лан вдруг почувствовал нервозность. Он невнятно пробормотал что-то и, сославшись на необходимость вернуться к гостям, поспешно ушёл.

Не успел он уйти далеко, как столкнулся с серебристоволосым юношей.

Его впечатление об этом юноше было глубоким — единственный ученик Цзи Чжайсина, избалованный и капризный.

Сегодняшний праздник он пропустил, так как не любил толпу. Но теперь, почувствовав запах Цзи Чжайсина, он пришёл сюда.

Словно ещё не отлучённый от груди.

Понимая, что юноша, вероятно, не подготовил подарка для Цзи Чжайсина, что было не очень приятно, Тань Лан смягчил свою враждебность и с лёгкой улыбкой посмотрел на Хэ Сюаня.

Хэ Сюань почувствовал лёгкий озноб и, проигнорировав его, ускорил шаг. С радостью обнаружив Цзи Чжайсина у двери хранилища, он потянулся, чтобы обнять его.

Цзи Чжайсин повернулся и остановил его, положив палец на лоб Хэ Сюаня.

Он был слегка горячим.

Совсем не похоже на обычного Цзи Чжайсина.

Черноволосый практикующий наклонился, долго смотря на юношу. Словно только что осознав, кто перед ним, он лениво улыбнулся.

— Хэ Сюань.

Он ласково сказал:

— Завтра приготовлю тебе суп, а сейчас я устал и хочу отдохнуть.

На самом деле, практикующий стадии Выхода души не мог устать.

Даже сам Цзи Чжайсин не ожидал, что с его уровнем он всё ещё может опьянеть.

Но в опьянении он не был буйным, лишь немного сонным. Хэ Сюань с круглыми глазами смотрел на него, а затем вдруг превратился в огромного зверя, поднял Цзи Чжайсина на спину и понёс к месту, где обычно обитал.

Хотя его уровень был высок, Хэ Сюань даже не думал скрывать себя, и только благодаря скорости и небольшому количеству практикующих на пути его не заметили.

Доставив Цзи Чжайсина на пик, Хэ Сюань, следуя памяти, уложил черноволосого практикующего в комнату, накрыл давно не использовавшимся одеялом и некоторое время стоял в комнате.

Цзи Чжайсин уже крепко спал, его чёрные волосы прижались к щеке, скрывая бледную кожу, на которой всё ещё оставался румянец. Хэ Сюань, глядя на этот румянец, вдруг почувствовал тревогу и раздражение. Он встал и вышел, намереваясь потревожить зверей в запретном лесу.

Хэ Сюань ушёл так быстро, что не заметил, как в комнате духовная энергия слегка исказилась, и появился слабый призрак.

Призрак был холодным и красивым. Он подошёл к кровати, наклонился, и его тело, словно

лишённое красок, постепенно стало более плотным, а серебристые волосы казались сделанными из инея.

В нижнем мире его никто не знал, но в высшем мире он был очень известен. Настолько известен, что было странно, почему этот великий мастер, только что достигший стадии Великой Завершенности, не занимался практикой, готовясь к преодолению скорби, а появился в комнате практикующего из нижнего мира.

<http://bllate.org/book/15565/1385538>